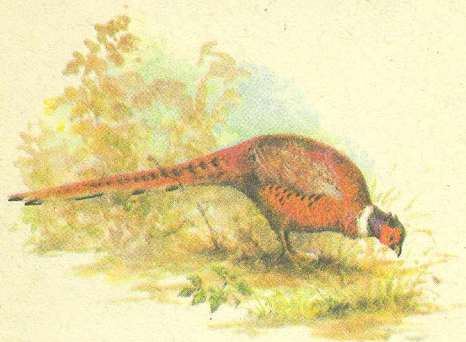


А В И А



05098018
81086050
ОМСК



Куда г. Томск 28,
ул. Учебная, д. 23 а,
кв. 31.

Кому Жамуновой
Файне Викторовне

Индекс предприятия связи
и адрес отправителя

644005, Омск-5,
Вокзальная, 17,
Экспресс

Индекс предприятия связи места назначения

4/12 1980. Омск.

Добрый день, дорогая Фаина Зиновьевна!

К сожалению, когда я летом узнала из Толска, Вас уже не было в городе. Мне же очень хотелось увидеться с Вами на прощание и поблагодарить Вас за всё то доброе, что Вы для меня сделали. Простите мне те неприятности и огорчения, которые я невольно Вам доставила. Я очень много было заниматься только своей темой: именно Вам я обязана самыми счастливыми минутами этих лет. Спасибо! Я очень надеюсь, что, как бывает всегда, неприятные впечатления, связанные с моей запиской, забудутся и Вы не будете помнить меня недобрыми словами. Мне же всегда будет памятно, как Вы меня встретили в Толске и помогли пережить первый трудный год вдаль от дома.

Желаю Вам всего самого хорошего: здоровья, счастья, радостной и удачиной работы! Пусть этот учебный год будет для Вас успешным, радостным и интересным!

Фаина Зиновьевна, если какие-то дела или случай приведут Вас в Омск, помните, что для меня и для мамы Вы — желанный гость. Тщину это не из пустой вежливости, а в надежде, что Вы когда-нибудь воспользуетесь предложенным гостеприимством, тем более, что дом, где я живу, находится в нескольких минутах ходьбы от железнодорожного вокзала.

Зная, что Вас заботит вопрос моей будущей работы, рада сообщить Вам, что меня приняли в Омский университет старшим преподавателем (что, честно говоря, для меня является полной неожиданностью).

Нагрузку мне дали большую: теория литературы, русская литература 19 века (вторая треть) - лекции и практические; спецкурс (пока еще не придумана какой-либо то творчеству Достоевского, либо о развитии русского очерка 1830-1860-х годов); спецсеминар; диктовки и руководство попрактикой. Словом, всё на свете, даже неумо становится... Конечно, готовиться к таким курсам одно удовольствие, но всё-таки страшновато. Сейчас так не хватает "наушки", и вообще о Томске вспоминаю с грустью.

На кафедре меня встретили приветливо, М.В. Курнецова держится очень любезно. Она просила передать Вам привет и самые хорошие пожелания. Мариарта Васильевна не раз говорила, что мечтает отправить защищаться в Томск свою аспирантку Веру (фамилию её, увы, не знаю), у которой диссертация по критике Белинского. Вера закончила несколько лет назад университет в Свердловске, в прошлом она - ученица Т.К. Ценщикова. Наверное, об этих своих планах М.В. Курнецова Вам скоро напишет.

Всё раз пишу Вам всего хорошего! Огромный привет семье Михайловне (ей я напишу чуть позже) и всем на кафедре!

С уважением и благодарностью
В. Анелкина.

P.S. На всякий случай пишу свой омский адрес и домашний телефон в надежде, что это Вам когда-нибудь пригодится:

644005, Омск - 5, Вокзальная, 17, 2-я линия;
Тел. 4-34-46.

634028, г. Томск - 28,
ул. Учебная, д. 23^а, кв. 31.

Кануновой Фаине Зиновьевне

1933/1



644005, Омск 5,
Вокзальная, 74
Амелиной В. А.

Отзыв

На автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук А. А. Казакова
«О природе полифонии в романах Достоевского: структура диалогического и
сюжетного события.»

Актуальность темы диссертации А.А. Казакова несомненна и в плане проблематики, и в плане методологии. Последняя четверть нашего века характеризуется возросшим интересом и к романному творчеству Ф.М. Достоевского, и к наследию М.М. Бахтина, многие мниморешенные ранее проблемы литературоведения осмысляются сегодня под новым углом зрения, в новом ценностном аспекте. Наступает время синтеза, требующее от ученого навыка междисциплинарного мышления, умения работать на границах, на стыках разных областей научного знания. Автор данного автореферата явно обладает этим завидным качеством, столь востребованным в наше время. Исследование А.А. Казакова точно соответствует названию и впервые дает свое достаточно убедительное понимание целостности полифонического романа Ф.М. Достоевского в качественно новом ценностном рассмотрении.

Почти полвека назад вошли в наш культурный обиход работы М.М. Бахтина, четверть века назад ученый ушел из жизни. Освоение его наследия, которое вобрало в себя самые различные течения мысли XX века шло вначале поверхностно, эмпирично, по кускам, потому что время философского синтетического литературоведения еще не настало, наше общество не было готово к свободе духа и синтезу.

Работа А.А. Казакова — отрадный симптом рождающегося нового методологического подхода, который формируется сложно, но он уже на пороге. Это даже не собственно литературоведение, все начинается со смены ценностно-этической перспективы исследования, с анализа текста под углом зрения реалий христианского сознания.

М.М. Бахтин писал: «В абсолютной ценностной пустоте невозможно никакое высказывание, невозможно само сознание. Вне Бога, вне доверия к абсолютной дружости невозможно самосознание и самовысказывание, доверие к Богу — имманентный и конструктивный момент чистого самосознания и самовыражения. Там, где преодолевается в себе ценностное самодовление бытия — наличности, преодолевается именно то, что закрывало Бога, там, где я абсолютно не совпадаю с самим собою, открывается место для Бога.»¹

Задача молодого исследователя «охарактеризовать целостность полифонического романа, определить архитектурную сущность романов Ф.М. Достоевского» (с.2) вполне оправданно была связана с цельностью духа, сознания автора и героев, как конститутивной особенностью художественного мира. «Концепция символического целого» в работе А.А. Казакова позволяет плодотворно и результативно найти подход к метафизической реальности

¹ М.М. Бахтин Эстетика словесного творчества. М., 1979, С. 126

романов Ф.М. Достоевского, это трудно, но сегодня необходимо. Ведь христианское измерение исследовательского сознания не появляется, от словесных заверений и жонглирования вчерашними терминами, оно плод духовной активности — оцельнения собственного сознания. В работе А.А. Казакова — это актуальнейшее качество налицо.

Можно соглашаться или не соглашаться с его отдельными положениями и выводами, но гораздо важнее это расширение и углубление методологического поля исследования, открытие новых перспектив познания, состоявшееся в данной работе А.А. Казакова, чем сегодня не часто может похвастаться автор кандидатской диссертации. Налицо эвристическая новизна исследования, наличие своего угла зрения, на сложнейшую проблему, а также ряд плодотворных выводов и находок о природе полифонии в романах Достоевского.

В работе А.А. Казакова при всей ее экспериментальности привлекает основательность, серьезность, культура филологического мышления. Диссертация А.А. Казакова охватывает сложный, тщательно проработанный автором как историко-литературный, так и теоретический материал, что обеспечивает достоверность выводов ученого. Структура работы А.А. Казакова логична, целесообразна. Особого внимания на мой взгляд, заслуживает внутренняя логика глав, где развертывание концепции автора оправданно идет от общего к конкретизации частных аспектов проблемы. Определенно творческой удачей А.А. Казакова является ряд выводов в первой главе «Диалогическое событие в произведениях Достоевского», а именно: о роли «молчания» в авторской активности, о ценностном даре автора, освещающего в новой смысловой перспективе все происходящее, где ценностный план обоснован Богом, а не автором. Чрезвычайно важны и плодотворны выводы А.А. Казакова о том, что «у Достоевского интонационная сфера автора не подавляет голоса героя» и что «мир Достоевского предполагает принципиальную разноприродность миров героя и его «другого» — «автора», а также, что «полифоническая целостность не предполагает органической однородности мира» произведения. (с.6)

Автор диссертации А.А. Казакова удачно ставит наконец точку в многолетнем споре ученых о мнимом релятивизме автора в произведениях Достоевского. («... нельзя говорить о господстве относительности в мире Достоевского; утверждение прав индивидуальности не приводит к солипсическому замыканию личности в ее границах») (с. 6). А.А. Казаков в работе существенно обогащает наше представление о своеобразии голоса героя в исповедальных структурах у Достоевского, справедливо утверждая, что «относительность напрямую связана с диалогом, а с монологизмом». (с.7) Удачно и рассмотрение места читателя в диалогическом событии, и новые штрихи к пониманию житийной традиции в романном повествовании. Вторая глава более традиционна по методологии, но и она существенно расширяет наше представление о ценностном поле повествования в романах Достоевского. По-настоящему новаторским является вывод о роли Благодати в сюжетной ситуации «нового рождения героя».

Однако ряд моментов в защищаемой концепции вызывает возражения. «Экзистенциально обоснованная позиция автора» несомненно включает в себя как внутреннюю меру точку зрения героя-повествователя с «простым» сознанием, что в мире Достоевского часто становится синонимом универсального видения и понимания мира других. Белкин у Пушкина, Горянчиков и Антон Лаврентьевич не просто «люди, приобщенные к почве, созерцающие поступки героев», и по мнению А.А. Казакова, «смотрящие на них снизу вверх» (с.12), но в них запечатлен своеобразный результат обретения цельности духа и видения, они способны понять и расслышать любую правду, а значит, и стимулировать «прозрение» других героев. Сложность этих персонажей-повествователей в том, что в них сосуществует автор-творец и человек массы, созерцатель, чей способ видения является своеобразным итогом внутреннего перерождения. Это повествователи, которых создает, строит внутренне сам процесс создания записок. Обретение ими внутренней свободы и цельности духа входит в жанрово-повествовательное задание. Думается, автор диссертации в известной мере недооценил их творческий потенциал, а отсюда и их особое место в сюжетно-повествовательном плане.

Далее на с16 автореферата А.А. Казакова пишет: «полифоническая гармония должна вместить в себя всех героев с их собственной правдой – в том числе Ивана Карамазова с его бунтом, <...> Ивану, чтобы предстать перед лицом Бога, не надо становиться Зосимой». Мне кажется, автор реферата здесь

недостаточно последователен в осуществлении своей же собственной концепции. Ценностный потенциал Ивана Карамазова так и не реализовался, он «не дорос» до своей правды, а остался, увы, при индивидуалистическом бунте, попытка выйти за пределы бунта видна в спасении замерзающего мужика. «Ивану нужно не стать Зосимой», а стать самим собой настоящим, освободившись от греха «самости», вот этого и не происходит, потому финал – безумие. К частным замечаниям относится пожелание четче дать выводы, их стоило бы еще раз повторить и оформить в заключении автореферата. Все высказанные замечания не меняют высокой оценки работы.

Диссертация А.А. Казакова – яркое новое слово, автор несомненно обладает независимостью научного мышления и вводит в научный оборот много ранее неизвестного. Результаты работы должны быть использованы в вузовской практике. Публикации и автореферат с должной полнотой отражают содержание диссертации. Не вызывает сомнения, что исследование А.А. Казакова отвечает всем требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям и его автор достоин искомой научной степени.

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Омского государственного университета Е.А. Акелькина

28 марта 2000 г.

